

Виталий Куренной**Модернизация модернизатора. Новейшие трансформации российской политической системы**

Виталий Анатольевич Куренной - заведующий отделением культурологии, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики, научный редактор журнала "Логос".

Виталий Куренной**Модернизация модернизатора.****Новейшие трансформации российской политической системы**

Политическая жизнь России в последние годы не отличается впечатляющей динамикой. Тем не менее, попробуем определить основные сдвиги, произошедшие за последние три года, то есть примерно с момента прихода к власти нового президента Российской Федерации.

Настоящая статья предполагает сформулировать объемное видение действующей политической системы, поэтому осознанно отказывается от рассмотрения ситуации в какой-то одной тематической или методологической плоскости. Варьируя различные аспекты рассмотрения, фрагментируя тематику, мы лучше сможем уяснить характер нынешней ситуации.

Комиссарская диктатура и ее генеалогия

В качестве отправной точки - несмотря на сомнительность всякого самоцитирования - прибегну к собственному диагнозу четырехлетней давности[1]. Тогда в качестве наиболее адекватной, на мой взгляд, *дескриптивной* характеристики сложившейся политической системы мной было выбрано понятие диктатуры. Диктатуры, однако, не вполне прозрачной, а колеблющейся между двумя позициями - комиссарской и суверенной[2]. Существо сложившейся политической системы на тот момент в большей мере соответствовало определению "комиссарская диктатура". Целью последней является устранение помех, препятствующих функционированию официально провозглашенного порядка, создание условий, при которых неработающая Конституция сможет заработать. Решающим критерием был вопрос о российской Конституции: ее сохранение (до прихода к власти Дмитрия Медведева) как раз и указывало на комиссарский характер установившейся диктатуры. Эту характеристику на свой манер немного позднее подтвердил глава государства ("прямая линия" Владимира Путина в 2007 году). Речь идет о его политической метафоре "ручного управления". В этом режиме, как заявил Путин, страна будет находиться "ближайшие 15-20 лет" - пока не будут созданы "необходимые условия правового характера, когда заработают все элементы рыночной экономики".

Сложившаяся в форме комиссарской диктатуры политическая система никоим образом не может рассматриваться как продукт путинской эпохи. Она является даже не восприимчивой, а просто *той же самой системой*, которая сформировалась в России после прихода к власти Бориса Ельцина. В связи с этим вопросом я отсылаю к статье Дмитрия Фурмана "Политическая система современной России и ее жизненный цикл" (2003), которая остается, на мой взгляд, лучшим описанием политической генеалогии и логики эволюции властной системы в постсоветской России[3]. Согласно Фурману, Борис Ельцин, выражающий более или менее либерально-демократические настроения, в 1991 году пришел к власти недемократическим путем - демократическим путем сделать это было невозможно. Пройдя точку невозврата в 1993-м, система далее могла двигаться только в логике недопущения демократического реванша, и вот как пишет об этом Фурман:

"Безальтернативность становится самой сутью возникающей системы. С самого момента своего зарождения она могла развиваться лишь в направлении все большей безальтернативности, все более прочного закрепления у власти президента, а затем - и его "династии", тех, кого будут назначать своими преемниками стоящие у власти президенты. В этой системе не могут сложиться неизменные "правила игры", при которых выигрывать, приходиться к власти могут разные силы, а наоборот, обеспечивается постоянство пребывания у власти одного лица (или его наследников) при меняющихся в зависимости от ситуации "правилах игры"."

Соглашаясь с Дмитрием Фурманом в вопросе генеалогии, отмечу, однако, что понятие "комиссарская диктатура" корректирует его прогноз относительно возможного сценария кризиса и упадка существующей системы (в силу ее естественного ослабления в модернизирующемся обществе, состоящем из более молодых поколений[4]). Режим комиссарской диктатуры указывает на то, что внутри самой этой системы управления государством существует представление хотя и об отдаленной, но, тем не менее, необходимой фазе изменения (под чем можно понимать, грубо говоря, отказ от безальтернативной политики и переход от номинальных к реальным процедурам демократического выбора). Сама эта фаза изменения является моментом. самолегитимизирующим режим установившейся диктатуры. Таким

образом, система включает в себя представление о некотором механизме самоликвидации, которому предстоит сработать в отдаленном будущем, что и оправдывает из этой перспективы наличное настоящее. Эта *рефлексивная* (то есть, как свидетельствует, в частности, упомянутая метафора “ручного управления”, осознаваемая самой системой) особенность является решающим для такого все более отчетливо проявляющегося момента действующей системы, как *консервативный утопизм*, под которым мы понимаем легитимацию своего политического настоящего и прошлого через будущее[5]. Для читателя, знакомого с концепцией Карла Мангейма (“Идеология и утопия”) такое смысловое сочетание является невозможным[6], однако именно отсюда проистекает девиантный характер существующей политической системы и невозможность ее простой идентификации в “нормальной” системе политических координат (либерализм-консерватизм-социализм).

Резюмируем амбивалентный характер нынешней политической системы: достижение в будущем состояния правовой и либерально-демократической саморегуляции общества легитимирует нынешний авторитарный и политически безальтернативный механизм достижения этого состояния. Подобная стратегия оправдывается не только и не столько расхожим аргументом, что “общество не готово” и подвержено популистским соблазнам в ситуации нормального демократического выбора. Не менее важным здесь является историческая колея и историческая родословная нынешней системы. Вспомним основные политические развилки страны в 1990-х: распад СССР в 1991 году, сделавший Бориса Ельцина президентом России; разгон и расстрел парламента в 1993-м, выборы 1996-го, назначение “преемника” в 1999-м. Ни в одном из этих случаев выбор не был сделан нормальным демократическим образом: дальнейшая эволюция было лишь совершенствованием сложившейся системы. Реальная политическая ротация сегодня может и не обернуться каким-то экзотическим спазмом антидемократического популизма. Но она способна поставить под вопрос легитимность (а в конечном счете, и легальность) в том числе и перечисленных осевых политических событий постсоветской России. И остается только гадать, насколько далеко в прошлое могла бы продвинувшись такая возможная ревизия.

Авторитарный либерализм

Генеалогия сегодняшней системы власти в России указывает на интимную связь, существующую между либеральной (оставим это грубую маркировку) ориентацией политической системы, возникшей при первом президенте России, и антидемократическими способами ее реализации. И в этом отношении нетрудно уловить корреляцию между портретами российских президентов и авторитарным характером их правления. Корреляция будет иметь обратный характер.

Борис Ельцин - носитель наиболее авторитарного персонального имиджа: матерый советский партийный босс, органично трансформирующийся в постсоветского “царя Бориса”[7]. При этом в политической системе все еще наличествуют элементы реальной политической конкуренции, а формируемый либеральными идеологами в 2000-х образ эпохи 1990-х определяется как либеральный (несмотря на расстрел политических противников).

Путин - менее эпатажно авторитарен, напроць лишен публичного самодурства, лучше образован. Политический курс, однако, становится намного жестче, а политические решения принимаются все более закрытым образом. Наиболее остросюжетные внутривнутриполитические события правления: “равноудаление” олигархов, суд над Михаилом Ходорковским, отмена губернаторских выборов, трансформация партийной и выборной систем. Эти действия, тем не менее, встречают скорее одобрение, чем возмущение демократического большинства (арест Ходорковского и кампания против “ЮКОСа” одобрялись большинством осведомленного о происходящем населения[8]). Реформы имеют половинчатый, незавершенный характер, фактически ни одна из них не была при Путине решительно доведена до конца, другие же и вовсе тихо заглохли (вроде административной реформы, взятой на шит во время выборов на второй срок). Самое громкое социальное возмущение - протесты пенсионеров против либеральной реформы по монетизации льгот.

Наконец, Дмитрий Медведев - интеллигент во власти[9], на фоне которого Путин, несмотря на то, что он так же является кандидатом наук, выглядит человеком с несколько солдафонским юмором и повадками; Медведев - любитель гаджетов и фотографий снежных вершин, водной глади и закатов[10], достойных честных побед в конкурсе “Фото дня” на портале “Яндекс”. И при этом - суверенный блицкриг с Грузией; реформа структур, которые Путин не решался трогать (армия, МВД); волонтеристское снятие Юрия Лужкова - самого крупного регионального барона, сохранившегося с ельцинской эпохи (причем, разумеется, мнением москвичей никто так и не решился поинтересоваться)[11]. Наконец, важнейший показатель - изменение российской Конституции, направленное на продление срока президентства и работы Госдумы.

Основные политические шаги Медведева являются намного более авторитарными, чем ключевые политические шаги Путина, - вплоть до опасности перерождения диктатуры из комиссарской в суверенную[12]. При этом политический дискурс Медведева отличают две особенности: 1) отказ от технократического, нейтрального и дистанцированного по отношению к любым эксплицитным формам идеологии языка Путина[13]; 2) перенос акцента на “личность” и темы, так или иначе ассоциированные именно с проблемами формирования и развития личности (вплоть до темы детства в послании Федеральному Собранию 2010 года). Этот идеологический ренессанс нетрудно констатировать также на основании следующего простого соображения: если при Путине возникший идеологический дефицит заполнялся людьми из его окружения (прежде всего это Вячеслав Сурков с концепцией “суверенной демократии”), то сегодня эта прерогатива отошла к самому президенту. Теперь главный внутривнутриполитический идеолог путинской эпохи скромно аттестует себя чиновником, взгляды которого, как теперь оказывается, всего лишь его “личное дело”[14].

Вместе с тем, эта гуманизация и одновременно идеологизация дискурса Медведева имеет и свою заметную обратную сторону: все более артикулированное формирование фигуры самого президента, что не сложно подтвердить эмпирически - по числу употреблений местоимения “я”, а также качественно - по модусам его использования. В последнем послании Путина Федеральному Собранию (2007) это местоимение используется 10 раз. В послании же Медведева 2010 года - 54

раза! [15] Что касается модуса, то у Путина - это суждения, комментирующие его речь:

“Я сейчас не буду называть конкретных цифр...”

“Я сейчас говорю” / “Я уже говорил...” / “Я уже говорил со своими коллегами...”

“Я так понял...”

“Я бы даже сказал...”

Совершенно иной модус высказывания фиксируется у Медведева: это прежде всего распоряжения и приказы от первого лица, а также суждения, определяющие его персональную роль в контексте некоторого события (сделанного распоряжения, предстоящей встречи, поездки и так далее). Привожу выборочный перечень:

“Я принял решение...” (2 раза)

“Поручения на эту тему я уже дал...”

“Я выступил с этой инициативой...” (другой вариант: “Я выдвинул инициативу...”)

“Я поручаю...” (6 раз)

“Я предлагаю...” (2 раза)

“Я подписал указ...”

“Сегодня я внесу в Государственную Думу закон...”

“Я сформулировал...” (2 раза)

“В Лиссабоне я поделился своими соображениями...”

“На следующей неделе я и буду вести разговор...”

Если бы не дурные ассоциации, следовало бы сказать, что Медведев на дискурсивном уровне активно формирует своеобразный культ личности. Кроме того, в самой манере публичного поведения Медведева и его публичных жестах обнаруживаются элементы персонального волюнтаризма, менее характерные для предшествующего президента. Например, можно вспомнить прямое и публичное распоряжение Медведева о подарке новых квартир молодоженам, отданное перед телекамерами губернатору Еврейской автономной области во время визита в Биробиджан [16]. К этому же роду явлений следует отнести и разнообразные прямые распоряжения, навешанные каким-то новостным событием (например за неудачным запуском космического корабля с тремя спутниками ГЛОНАСС 5 декабря 2010 года тут же следует прямое распоряжение о прокурорской проверке расходования средств по данной программе).

Симптоматично, однако, что сочетание двух этих фактов: намного более радикальный авторитаризм Медведева в политической сфере и его индивидуалистический волюнтаризм на дискурсивном и символическом уровне - не замечается российским общественным мнением. Напротив, закрепляется и культивируется оппозиция “авторитарный Путин” - “либеральный Медведев”. Здесь возможны два объяснения: более рыхлое, так сказать, общекультурное, и более факультативное, но связанное именно с особенностью российского либерального общественного мнения. Общее отсылает к специфическому устройству российского интеллигентского сознания, отличающегося особым характером нерефлексивности в отношении различия “что” и “как” [17]. Это довольно негибкое сознание, ориентирующееся лишь на поверхностный набор символических индикаторов: если говорится о личности, ценностях, детях и модернизации, это воспринимается позитивно как нечто близкое и созвучное интеллигентской аудитории; а если язык становится менее идеологически и гуманистически нагруженным, то это воспринимается негативно, как проявление “бездушности” и авторитаризма. Важную роль в числе этих поверхностных индикаторов играет также религиозность и церковность: Медведев публично менее тесно взаимодействует с церковью, тогда как выражено благожелательное отношение к ней Путина был важнейшим негативным индикатором для интеллигентского сознания. К числу действующих здесь факторов относится так же и сословный характер категоризации действительности в интеллигентском сознании (Путин, в отличие от Медведева, - силовик, гэбэшник).

Второе объяснение более специальное. Оно связано с тем, что либеральная политика в России мыслится как проводимая исключительно авторитарными методами. Соответственно, авторитаризм является *conditio sine qua non* либеральной политики как таковой, а авторитарная власть - единственным субъектом, который может воспринимать и проводить либеральные идеи. Показательно, что даже наиболее последовательное крыло экономических либералов (либертарианцев), выступающее за всяческую минимизацию государства и фактическую редукцию его функций к военно-полицейским (“Государство не вправе вести деятельность, не связанную с применением насилия” [18]), в практических вопросах (связанных, в частности, с действиями во время экономического кризиса) апеллирует исключительно к государству как

субъекту действия[19]. Показательно в этом отношении нашумевшее выступление Игоря Юргенса[20] после ярославского форума 2010 года, которое следующим образом представляет портал "Грани.ру":

“По его [Игоря Юргенса. - В.К.] словам, основными помехами для модернизации являются незаинтересованность большинства элиты, а также архаичность российского народа, который не раньше 2025 года окажется “ментально совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем”[21].

Согласно тому же Юргенсу, локомотивом модернизации может быть только российский “средний класс”, численность которого не превышает 7% (!) населения (по оптимистическим подсчетам - 20%). Из этих констатаций легко сделать вывод, объясняющий деформацию восприятия различий между Медведевым и Путиным: на самом деле для либерального сознания в России максимум либерализации требует и максимума авторитарности. На этом фоне Путин как более демократичный президент, пользующийся широкой народной симпатией, воспринимается как более авторитарная фигура, чем Медведев. *Quod erat demonstrandum.*

Эти нюансы, впрочем, не должны скрывать главного: Ельцин, Путин и Медведев - представляют одну политическую систему, а различия между ними играют второстепенную роль.

Новый режим пропаганды

И все же нюансы имеют значение. Наиболее заметный из них связан с фундаментальным изменением пропагандистской машины государственной власти в период президентства Дмитрия Медведева. Речь прежде всего идет о телевидении. Напомню, что уже в эпоху президентства Бориса Ельцина телевидение стало активно выполнять прокремлевскую пропагандистскую функцию (апогей пропагандистского накала приходится на выборы 1996 года). Это напоминание не тривиально, так как именно с этой, вполне еще допутинской эпохи, и нужно начинать отсчет кончины телевизионной журналистики[22]. Развитие ситуации с телевидением при Путине шло лишь в направлении дальнейшего совершенствования управляемости и контролируемости этой системы. В самой этой тенденции в России нет ничего необычного: телевидение - основной фактор функционирования современной демократии, которая даже в странах с мощной партийной традицией все меньше рассчитана на партийную организацию и все больше - на зрительскую аудиторию (“аудиторная демократия”[23]). Для России, где партийная традиция представлена одной только КПРФ, вопрос о контроле над телевидением, разумеется, является и вовсе ключевым в политической жизни.

Что изменилось в этой сфере при президенте Медведеве? Пропагандистская машина вступила в новый режим интенсивной промывки мозгов и массивных пропагандистских кампаний, оркеструющих основные решения политической власти. В начале 2000-х на телевидении сложилась система, в которой освещение социальной и политической действительности было определенным образом структурировано. Это произошло отчасти напрямую под влиянием политической тенденциозности, но в какой-то мере и с целью устранения совершенно невозможных режимов функционирования телевидения - как это, в частности, обнаружил информационный хаос во время захвата террористами на Дубровке зрителей “Норд-Оста” (2002). Выстроенная новая система имела фоновый характер: за исключением выборов она работала в рутинном режиме. При Медведеве она, однако, претерпевает глубокую трансформацию. Любые серьезные политические и реформаторские шаги сопровождаются теперь массивными пропагандистскими кампаниями. Например, подготовка реформы МВД сопровождается фронтальной информационной кампанией, переполненной сюжетами о “ментовском беспределе”. Наиболее показательным примером здесь является пропагандистская кампания, в течение месяца предварявшая отстранение мэра Москвы Юрия Лужкова.

Дело здесь не в отношении к деятельности Лужкова, а в том, как осуществлялось его отстранение от должности. Кроме того, политически Лужков представлял собой хотя и далекий от фрондерства, но все же заметный центр силы, позволявшей себе демарши и высказывания, далекие от субординационной сервильности. Замена его правительственным чиновником упразднила даже это незначительное рассредоточение политической власти в России.

Особую роль в новом информационном режиме играет Интернет, приверженцем и популяризатором которого является президент Медведев. При этом в самом Рунете активно формируется представление о двух политических культурах в современной России. Первая - культура телевизора. Это пассивная, управляемая и бездумная аудитория, контролируемая показушной телевизионной пропагандой. Вторая - самостоятельная, активная и автономная в суждениях культура пользователей Интернета[24]. Формированию этой оппозиции особенно способствовали летние пожары 2010 года, когда волонтеры коммуницировали, объединялись для тушения пожаров и распространяли информацию о реальном положении дел по блогам, в то время как по телевидению демонстрировались победные и успокаивающие репортажи[25]. Эта оппозиция хорошо ложится на некоторые старые концептуальные схемы, противопоставляющие дискурсивный Интернет и пассивно-визуальную телевизионную культуру (одна из подобных схем принадлежит Умберто Эко[26]). Популярна также метафора двух миров, заимствованная у братьев Вачовски: “матрицы” и реальности[27].

Как отнестись к этой новой структурной особенности медийной и, одновременно, политической ситуации? В уже упоминавшейся выше статье 2007 года я писал, ссылаясь на один пассаж из Карла Шмитта:

“... нынешняя российская власть действует грубо. Только обучаясь отдалке механизмам господства, она еще не посвящена во

...иная российская власть действует грубо. Только обладая властью, она еще не посвящена во все “политические арканы”, или тайные приемы власти. Например, уже автор начала XVII века - Арнольд Клампар - в качестве одного из “арканов власти” (arcae imperii) приводит, например, такой: необходимы свобода слова и печати, “допускающие многошумное, но в политическом отношении незначительное участие в жизни государства”[28].

Похоже, данный аркан власти больше арканом для нее не является. Именно Интернет стал тем самым пространством свободы слова, “допускающим многошумное, но в политическом отношении незначительное участие в жизни государства”.

Принципиальный недостаток Интернета вообще и таких “частных СМИ”, как блоги в особенности, состоит в избыточном и, так сказать, синхронном характере информации: пользователю доступна вся возможная информация сразу. Частным следствием этого является то, что пользователь всегда может извлечь из Интернета практически любой сюжет. Например, для того, чтобы затем использовать его в тех же пропагандистских целях. Именно таким образом и используется Интернет на тенденциозном российском телевидении, поскольку под любой пропагандистский заказ там всегда можно найти свежую информацию в каком-нибудь блоге. Наконец, чрезмерное обилие разноречивой информации, а также ее возрастающее рассеивание - в индивидуальных блогах, социальных сетях и так далее - окончательно дезориентирует человека, который актуально не включен в какую-то конкретную историю коммуникации и не может опираться на свои представления о репутации источников. Впрочем, это большая и отдельная тема.

Подводя итог этим фрагментарным наблюдениям, я хотел бы еще раз вернуться к вопросу о политической идентификации современной российской власти. Является ли она консервативной? Безусловно, нет. Напротив, черпая свою легитимность из будущего, она имеет авангардистский характер, который становится все более отчетливо выраженным по мере того, как совершенствуется авторитарный механизм реализации благих либеральных намерений.

В силу специфической генеалогии современной российской политической системы сложилась ситуация, когда на ближайшую и даже среднесрочную перспективу едва ли возможна ее решительная демократизация. Но, парадоксальным образом, именно эта недемократическая система символически и идеологически дискредитировала демократию как символ и политическую позицию - демократия оказалась безусловно ассоциирована с 1990-ми годами. Возникла своеобразная тупиковая ситуация: контрадикторно противостоять сложившейся системе могла бы именно демократическая позиция, которая в силу указанной социально-исторической дискредитации оказывается заведомо обреченной на политическое банкротство. В итоге возможны две основные реакции. Одна из них либеральная: она не ставит под сомнение сложившуюся безальтернативную систему, но ставит вопрос об изменении режима доступа к ней - особенно когда представитель этой позиции вдруг теряет собственный доступ к системе. При этом имеет место следующая регулярность: те, кто долгое время были частью или даже демиургами системы, а затем по тем или иным причинам выпали из нее, занимают позицию ее умеренной, а иногда и яростной либеральной критики (образцовые примеры - Борис Березовский, Михаил Касьянов, даже Юрий Лужков попытался было разыграть ту же карту).

На демократическом же фланге, вместо собственно демократической позиции, пестрит целый букет разных ее субститутов и суррогатов: националисты, традиционалисты, государственники, державники, консерваторы и так далее. Сюда же, не колеблясь, я отношу и левых. Все эти течения апеллируют к некоторой общности, способной, как им кажется, противостоять авторитарному либерализму. Однако этот консервативный налет (включая левый налет “социального государства”) с легкостью перенимает и сама система власти, подкрепляя свою легитимность и устойчивость в том числе за счет формирования уже упомянутого синкретического символизма (образцовым образом данный механизм персонифицирует, например, Михаил Леонтьев).

Остается ли из этой тупиковой ситуации просто с надеждой взирать на авангардистский проект российского авторитарного либерализма? Едва ли. Совершенствование безальтернативной политической системы оборачивается прогрессирующим атрофированием государственной системы и даже ее патологическим перерождением. Бойня в краснодарской станице Куцевской, ставшая одним из значимых событий конца 2010 года, послужила поводом для вскрытия - усилиями журналистов и Следственного комитета - реальных процессов, происходивших в одном из самых процветающих регионов России (российские социологи и культурные антропологи не очень преуспели в описании подобной реальности). Суть этих процессов вкратце можно описать следующим образом: приватизация значительной доли государственной инфраструктуры социальной группировкой с выраженными частными интересами (совокупность подобных группировок формирует так называемое “гражданское общество” в его классическом понимании[29]). Результат подобного процесса, в общем-то, известен: если этот процесс не остановить, то государство попросту прекратит свое существование[30]. Речь идет, повторюсь, уже не о легкой форме эксплуатации инфраструктуры государства в частных целях (так называемая коррупция), а о своеобразном процессе его патологического перерождения.

И все это происходит на фоне все более укрепляющейся, на первый взгляд, “вертикали власти”. Таким образом, основной риск нынешней системы связан не с чрезмерным укреплением государственного аппарата власти, а напротив, с его прогрессирующей деградацией, ослаблением и разрушением.

1) См., в частности: Куренной В. *Мерцающая диктатура: диалектика политической системы современной России* // Левая политика. 2007. № 1. С. 17-24 (<http://hse.ru/org/persons/506669>).

2) Различия двух типов этих диктатур, как и само понятие диктатуры, заимствовано у Карла Шмитта. Вторым важным автором для меня в тот момент был Джорджо Агамбен.

3) Фурман Д. *Политическая система современной России и ее жизненный цикл* // Свободная мысль. 2003. № 11; далее цитируется электронный вариант статьи: www.nes.ru/public-presentations/Papers/Furman-PS-13-11-03.pdf

4) “Общество, таким образом, становится и далее будет становиться все более “психологически раскрепощенным”, “открытым”, все более способным осознать противоречие провозглашенных и в значительной мере даже принятых и усвоенных демократических принципов и реальности нашей политической системы... и имитационный характер выборов. Одновременно оно становится и все более готовым перейти к следующему этапу своего политического развития, к системе ротации власти. И как во время советской власти сами ее успехи в модернизации общества приближали ее кризис, ту черту, за которой дальнейшее развитие предполагало ее слом, так и сейчас сами успехи нашей системы приближают черту, за которой дальнейшее развитие предполагает переход к новой системе, слом лежащей в основе нашей системы “безальтернативности”” (Фурман Д. *Указ. соч.*).

5) В отношении исторического прошлого господствует, скорее, безразличный синкретизм: власть готова смешать любые исторические символы - имперских орлов, советский гимн etc. - в механический конгломерат, кое-как удовлетворяющий потребность в символической самоидентификации значимых социальных групп. Синкретический характер этого конгломерата не позволяет российскому обществу самоопределиваться в символической и исторической плоскости ни по одному ключевому событию новейшей и даже новой российской истории. В результате точка сборки этой самоидентификации обнаруживается в каких-то трансцендентных фикциях.

6) Утопия, согласно Мангейму, это политический инструмент тех, кто только стремится к власти, консервативная идеология - тех, кто ею уже обладает.

7) Виталий Найшуль в этой связи часто приводит слова самого Ельцина, сказанные им Павлу Воцанову: “Тебе царь сказал - иди и делай” (реплика относится примерно к 1991 году!).

8) См., например, опросы фонда “Общественное мнение” “Дело “ЮКОСа”, судьба М. Ходорковского” (http://bd.fom.ru/report/cat/ec_yuk/dd044327).

9) Тот же Дмитрий Фурман однажды заметил: “Медведев - первый человек из интеллигентной семьи в руководстве Российского государства за много лет, со времен, наверное, Ленина” (www.russ.ru/Mirovaya-rovestka/Pervyj-intelligent-u-vlasti-posle-Lenina).

10) См. на личном сайте Дмитрия Медведева (http://medvedev.kremlin.ru/personal_photo).

11) Манипуляции центров опросов общественного мнения в подобных ситуациях очевидны: чтобы выявить положительное отношение к отставке Лужкова ВЦИОМ провел опрос россиян (а не жителей Москвы).

12) Цель суверенной диктатуры, в отличие от комиссарской, - не обеспечение работоспособности Конституции, а ее изменение.

13) В котором, напомним, цели развития страны формулировались суконным языком цифр, вроде “удвоение ВВП”. Не аргументируя этого момента дальше, просто сошлюсь на дискурсивный анализ всего массива посланий Путина на предмет взаимоотношения государства и человека: “Уже начиная с 2000 года можно обнаружить тенденцию “плана Путина” трактовать не государство как средство для нормальной жизни человека, а “нормальную жизнь каждого человека” как средство для того, чтобы страна или государство стали “сильными и богатыми”” (Куренной В. *Мощь страны и человек: средства и цели в российской политике* // Политический журнал. 2007. № 32(175) (www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7738&issue=209)).

14) “...Я сотрудник администрации президента, работаю на главу государства, и мои убеждения - мое личное дело” (*Интервью Владислава Суркова [...] Михаилу Леонтьеву* // Однако. 2010. 7 декабря (www.odnako.ru/exclusive/interline/vladislav_syrkov_mxdozhnx_gotovitqysya_k_bydyshcej_vojnedot_nasamom_dele_kbydyshcemu_miryu)).

15) Можно ради симметричной корреляции сравнить и с третьим по счету посланием Путина (2002). В нем местоимение “я” использовано еще меньше - 9 раз.

16) *Медведев подарил квартиры молодоженам Биробиджана* // Росбалт. 2010. 2 июля (www.rosbalt.ru/2010/07/02/750178.html).

17) Под “интеллигентским сознанием” в данном случае понимается светская практика самоопределения себя и других прежде всего в оценочных и моральных категориях.

18) Цитирую программный документ российских либертарианцев - “Либеральную хартию” (www.libertarium.ru/l_libsb2_1-1).

19) См. дискуссию на этот счет на сайте “Частный корреспондент”: Куренной В. *Тень Великого инквизитора*. 2008. 30 октября (www.chaskor.ru/article/ten_velikogo_inkvizitora_758); Кизилов В. *Идею свободы хоронить рано*. 2008. 6 ноября (www.chaskor.ru/article/ideyu_svolody_horonit_rano_891); Куренной В. *К дискуссии о кризисе либерализма: Валерий Кизилов против философов*. 2008. 10 ноября (www.chaskor.ru/article/k_diskussii_o_krizise_liberalizma_valerij_kizilov_protiv_filosofov_971).

20) Игорь Юргенс является председателем правления ближайшего к нынешнему президенту России мозгового центра

Институт современного развития (ИНСОП). Дмитрий Медведев является председателем попечительского совета этой организации.

21) Юргенс И. *В провалах модернизации виноват народ* // Грани.ру. 2010. 16 сентября (www.grani.ru/Politics/Russia/m.181733.html).

22) О чем в ноябре 2010 года высказался тележурналист Леонид Парфенов, ставший первым лауреатом телевизионной премии имени Владислава Листьева. Парфенов, правда, обрисовал, ситуацию таким образом, словно смерть тележурналистики в России случилась относительно недавно (что неверно).

23) См.: Анашвили В. *Демократия в современном мире. Случай России // Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году - начале 2009 года*. М.: Институт общественного проектирования, 2009. С. 33-56 (www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5170-demokratiya-v-sovremennom-mire-sluchaj-rossii.html); Куренной В. *Электоральная симфония* // Политический журнал. 2005. № 30(81).

24) Оценка реальной численности пользователей Интернета весьма спорна. С одной стороны, может указываться цифра 50 миллионов и даже больше. С другой стороны, есть оценки на порядок меньше. Более сдержанные оценки представляются мне более близкими к истине, так как действительный Интернет-пользователь выходит в сеть дома, на работе, по телефону (к тому же используя различные модемы и IP адреса). Тогда как оптимистическая статистика фиксирует все эти итерации как разных пользователей (добавляя огромное число абонентов мобильной связи, у которых есть возможность выхода в Интернет, фактически никогда ими не используемая).

25) Весьма типичный для Интернет-сообщества обзор и оценка этой ситуации см.: Амзин А. *Генератор былинных отказов* // Лента.ру. 2010. 31 августа (<http://lenta.ru/articles/2010/08/30/summer/>)

26) Эко У. *От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 года* (www.philosophy.ru/library/eco/internet.html).

27) См.: Засурский И. *Последний бой агента Смиа. Парфенов, Матрица, революция и перезагрузка* // Частный корреспондент. 2010. 30 ноября (www.chaskor.ru/article/poslednij_boj_agenta_smita_21269).

28) Куренной В. *Мерцающая диктатура...* Цитируется работа: Шмитт К. *Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы*. СПб.: Наука, 2005. С. 158.

29) Некоторые журналисты и публицисты полагают, что гражданское общество - это группы с какими-то хорошими, на их взгляд, интересами (защищающие, например, интересы геев и лесбиянок, или занимающиеся благотворительностью, или защищавшие тигров). На самом же деле - это любая группа, преследующая свой частный интерес в пространстве между семьей и государством. Если кто полагает, что где-нибудь в Америке это не так, то рекомендую посмотреть фильм "Банды Нью-Йорка" Мартина Скорсезе.

30) См.: Mann M. *The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results* // Archives européennes de sociologie. 1984. Vol. 25. P. 185-213.